Александр ВОЛКОВ

МЯТЕЖ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО КОРПУСА В ПЕНЗЕ: ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦЕВ

Сто лет назад, в 1918 году, в Пензе произошли трагические события, положившие начало масштабной Гражданской войне, — начался мятеж легионеров Чехословацкого корпуса. Читателям «Суры» предлагаются воспоминания сотрудников пензенских газет, ставших невольными свидетелями или участниками уличных боев с чехословаками, захватившими Пензу 29 мая 1918 г. Воспоминания эти были напечатаны еще в 1928 г. в пензенском журнале «Работай и учись» (№ 21, 22, 24), но и сегодня они доносят до нас яркое описание тех кровавых событий, которые сыграли роль детонатора в углублении и развертывании Гражданской войны (1918 — 1922 гг.) в России.

ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ ПОГРОМ
(воспоминания сотрудника редакции газеты «Знамя революции»)

Десять[1] лет тому назад политическая весна в Пензе была совершенно особенной. Кипела, как в перегретом котле, советская и обывательская жизнь: одна — стремясь строиться на новый лад, другая — цепляясь за все возможности, чтобы удержаться на старой точке.

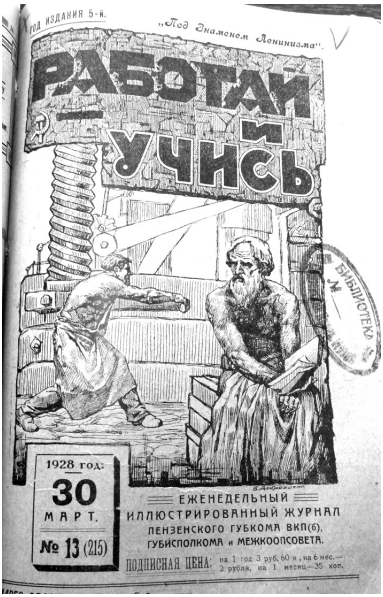
Город был наводнен беженцами, возвращающимися фронтовыми солдатами, осколками царских армий, пленными воевавших с нами иностранных армий, наконец, мешочниками...

Все эти людские глыбы толкались на улицах, в шумном толкуне, у Совета рабочих и крестьянских депутатов, на вокзалах и просто на полянах за городом. Хлеба недоставало, спекуляция грозила в голоде и муках утопить революцию... К концу мая эта борьба осложнилась выступлением чехословаков, стоявших на линиях наших дорог и не пожелавших разоружиться. Бой с чехословаками надолго останется памятным пензякам.

Мне, как жителю Железнодорожного района, не раз приходилось видеть стоящие на линии чехословацкие эшелоны. Мирно и культурно как-то выглядывали их вагоны-теплушки, украшенные зелеными ветвями и расписанные националистическими лозунгами. Вечерами чехословаки очень недурно распевали свои патриотическо-освободительные песни, собирая огромные толпы зевак...

В день выступления чехов, как и раньше, я работал в редакции газеты «Знамя революции»... Не помню точно: в два или три часа после обеда забегает в редакцию т. Рожнов П.А... и говорит: «Бросайте работу, начинается война...»

Я отправился в нижнюю часть города, к своей квартире. Дома из окна я наблюдал следующую картину. На линии Сызранки[2] началась уже ружейная трескотня. От элеватора Ряз.-Урал. дороги задом пятился к сызранскому вокзалу поездной состав. Выйдя на улицу, я не мог расслышать откуда-нибудь ответного огня, потому что чехословаки грохали залпами и заглушали все... Прошел, может быть, час, может быть, и больше. Выстрелы поредели, но зато начали один за другим бежать по линии паровозы с чешскими солдатами вместо машинистов, и направлялись эти паровозы на уральский вокзал. Чехам нужны были железные кони, чтобы доставить свои эшелоны с Ртищевского и Балашовского трактов в Пензу. Паровозов было угнано из сызранского депо 10 — 12 штук...



Журнал «Работай и учись» №13 за 1928 г.

Сумерками в наши улицы пришел небольшой отряд красногвардейцев (человек 7 — 8) с пулеметом. Руководителем отряда был неизвестный мне молоденький матрос, да и остальные-то, кажется, все матросы... Вокруг отряда намазалась орава уличных ребятишек, которых никак нельзя было отогнать... Несколько малышей перекинули через себя ленты и неотступно шли за пулеметом, забывая приседать и прятаться даже по команде...

Ранним утром меня разбудило голосистое солдатское «ура». Я быстро вскочил с постели и — прямо к окну. Нашей маленькой уличкой, с ружьями наперевес, широкими рядами шли серые шинели... я понял, что это чехи. Конечно, «ура» чехи кричали зря: пулеметчиков не было уже в наших краях, и они, так сказать, брали штурмом совершенно безоружную и сонную улицу. С этого момента чехи действовали уже не наскоком, как накануне. Пройдя нашу улич-

Чехословацкие легионеры у эшелона. 1918 г.

ку, они оставили в ней патрулей. Патрули эти снимались только по мере продвижения вверх их главных атакующих сил...

Пушки откуда-то грохотали отчаянно, но толку в них не было: снаряды либо рвали ни в чем не повинные крыши высоких домов, либо падали в поле... Но на обывателей наводили они страх неописуемый. В подвалы и погреба загоняли... Видел я ожесточенную пальбу вдоль Рождественской улицы[3]. Горсть защитников Пензы засела где-то на Казанской улице[4] и геройски защищала переправу через Татарский мост[5]. На этой улице от ружейного огня и пулеметов творилось что-то невообразимое... Пули прямо-таки скакали по камням.

Тяжелая картина началась тогда, когда «победители» чехи, разграбив все военные склады и продовольственные запасы, тащились с этим добром по городу... Чего только не несли в узлах и корзинах «европейски воспитанные» воины! Тут и солдатское белье, и обувь, и мука, и сахар...

Как только смолк ружейный, пулеметный и орудийный грохот на улицах, обыватель сейчас же «всенародно» выполз из погребов. По Московской улице трудно было пройти... На лицах у многих запечатлелся испуг, непреодолимая трусость, точно каждый не верил, что бой закончился.

В бывшую земскую (теперь Советскую) больницу[6] отовсюду на телегах и другого рода повозках свозились трупы. К вечеру ими завален был сарай и пол усыпальницы. Тяжелая, незабываемая картина...

Среди убитых были женщины и дети. Очевидно, случайные жертвы.

Ефим.

ЧЕХОСЛОВАЦКИЕ ДНИ В ПЕНЗЕ (28 — 30 мая 1918 г.) (из воспоминаний Степана Давыдова, журналиста газеты «Известия Пензенского Совета…»)

Утром 28 мая уже было ясно, что мирного исхода из конфликта с чехословаками быть не может и что советская Пенза должна готовиться к бою. В 12 часов дня на заборах белели листки: «Пенза на осадном положении».

Быстро закрылись магазины и опустели улицы. Служащие учреждений были распущены по домам. Тревожные гудки на заводских окраинах звали рабочих на летучие митинги — к оружию... В одиночку и группами шли к Совету[7]красногвардейцы... В 2 часа дня получилось известие, что чехословаки заняли Рязано-Уральский вокзал[8] и что их эшелоны растянулись на всем пути от Ртищева до Пензы. Телеграф и телефон — в их руках.

Затем мы узнали, что чехи уже заняли переход через реку Пензу. Наша застава оттеснена ружейным и пулеметным огнем. Привезли первых раненых... Около 4 часов дня наша артиллерия открыла огонь, и над Рязано-Уральским вокзалом повисли первые дымки шрапнельных разрывов... На улицах строились баррикады. Выгнанная из домов буржуазия рыла окопы.

Особая, «штабная» работа шла в стенах Совета. Туда обращались за всеми руководящими указаниями и справками. В кабинете тт. Кураева и Минкина[9] беспрестанно звенел телефон, принимались сообщения из разных пунктов...

Ночью бой несколько затих, но отдельные вспышки стрельбы не прекращались. Они раскатывались то с Поповой горы[10], то у Казанского моста[11], то наверху Московской, то сразу в нескольких частях города...

Наутро, 29 мая, артиллерия, пулеметы и винтовки заговорили снова и с еще большим ожесточением... Соборная площадь[12] извергала огонь со всех своих концов. Жутко было пробираться по ее пустыне к зданию Совета. Сверху, вздрагивая от выстрелов, грохотали трехдюймовки[13]; со всех ярусов соборной колокольни стрекотали пулеметы... Кругом не было видно ни души. Только какой-то поп, словно обезумевший от страха, пробирался куда-то вниз возле ограды сквера, без шляпы, с высоко поднятым крестом над головой.

Встреча чехословацких легионеров на вокзале станции Пенза-I. 1918 г.

В Совете за всю ночь никто не смыкал глаз. Все думали о том, долго ли еще можно будет держаться... Выяснилось, что накануне чехи окружили город со всех сторон. За ночь они уже заняли все вокзалы и теперь приближались к центру... На скорый приход отрядов из соседних губерний или из Москвы надежды не было. Связь с разбросанными по городу отрядами была утеряна... Тут и там, у оград и за кустами, лежали на траве раненые...

Переправа чехословаков через реку Пензу. 1918 г.

В Совете становилось все безлюднее... Скоро пришли тревожные сведения, что кольцо чехословаков сомкнулось еще теснее... Стрельба стала еще чаще и беспорядочнее... К глубокой ночи чехословаки были полновластными господами города. В переулках смолкли пощелкивания их разрывных пуль, в домах начались облавы, а по разгромленным складам и учреждениям забродили «доблестные», победоносные банды. Но не долго они продержались в Пензе... в ночь с 30-го на 31-е мая чехи покинули Пензу, взяв с собой заложников[14]...

31 мая Пенза снова стала советской. А 2 июня она хоронила своих мертвецов. Длинная, длинная лента гробов колыхалась вниз по Садовой улице[15], от усыпальницы губернской больницы по направлению к братской могиле на Советской площади[16].

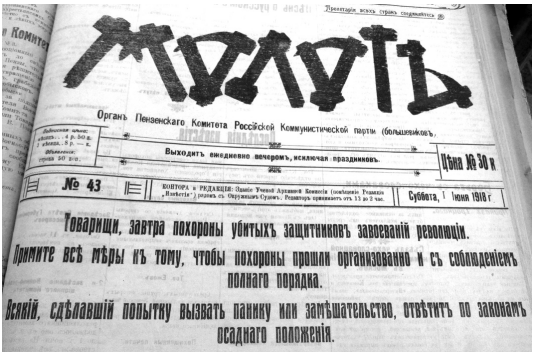
ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ НАСКОК
(воспоминания Р.В. Лепешко)

Ко дню выступления чехословаков в Пензе я состоял членом губернского Совета депутатов и по поручению Совета заведовал типографиями города Пензы. Мне было известно, что с чехословаками ведутся усиленные переговоры относительно разоружения их и что они на это не соглашаются. Последняя попытка миром разрешить дело была устроена днем 28 мая.

В этот день в главном лагере чехословацких войск устраивались митинги. Солдатская масса чехословаков не прочь была и отдать оружие, но командный состав, будучи в заговоре с нашими бывшими союзниками, всячески препятствовал этому. К послеобеденному времени стало ясно, что сражения не избежать.

Тревожные гудки на фабриках и заводах, а также на железных дорогах известили рабочий класс, что настала пора постоять головой за Советы.

В разных местах начали спешно организовываться отряды рабочих-дружинников и сколачиваться в боевую готовность красногвардейцы. Часам к семи вечера началась уже местами жаркая перестрелка.



МОЛОТЪ

Органъ Пензенскаго Комитета Россійской Коммунистической партіи (большевиковъ).

Выходитъ ежедневно вечеромъ, исключая праздниковъ.

Цѣна № 30 к.

№ 43

Суббота, 1 Іюня 1918 г.

Товарищи, завтра похороны убитыхъ защитниковъ завоеваній революціи.

Примите всѣ мѣры къ тому, чтобы похороны прошли организованно и съ соблюденіемъ полнаго порядка.

Всякій, сдѣлавшій попытку вызвать панику или замѣшательство, отвѣтитъ по законамъ осаднаго положенія.

Газета Пензенского комитета РКП(б) «Молот» от 1 июня 1918 г.

Я лично получил задание составить отряд из рабочих типографий и выбить при помощи него чехословаков с Сызрано-Вяземского вокзала[17], куда они ринулись за паровозами. Несмотря на сильное сопротивление типографских меньшевиков[18], отряд был создан в 70 человек, быстро вооружен винтовками, и я отправился с ним по назначению. Идя по московской улице и не доходя до Нардома[19], мы попали под сильный обстрел, так что пришлось рассыпаться и пробираться на ярмарочную[20] площадь путем перебежек. Чехословаки в это время один за другим угоняли из депо паровозы.

Мы открыли по чехословакам усиленную пальбу из пулеметов, на что они нам отвечали не менее сильным ружейным огнем. В отряде у нас оказались раненые...

Я получил в дальнейшем задание идти на поддержку рабочих фабрики «Гознак»[21], куда и отправился с отрядом человек в 20. Позицию мы заняли на Тамбовской улице. В это время жаркий бой шел в расположении артказарм[22], на эту местность чехи наступали широко развернутым фронтом. Положение нашего отряда с каждым часом становилось все отчаянней, наконец мы оказались отрезанными ото всех и без связи с городом и штабом. Отряд вынужден был рассеяться.

В единственном числе я возвратился в штаб, где и принялся совместно с другими товарищами устанавливать на Соборной площади... артиллерию. Нам хотелось рассеять чехословаков, наступающих со стороны Ряз.-Уральской жел. дороги. Пушек у нас было много, но артиллеристов опытных — ни одного. Первым выстрелом мы посшибали тумбочки у сквера, второй закатили в окружной суд, третий — в земскую управу и так без конца. Искупала нашу неумелость обращаться с артиллерией пулеметная стрельба. Здесь спецов у нас было сколько хочешь. Один из пулеметов стоял на соборной колокольне, другой — на чердаке здания ГИКа[23], третий — в том же ГИКе, где сейчас кабинет председателя (на балкончике). Огонь этих пулеметов был убийственный, и он немало нанес вреда чехам. Чехословаки не раз проникали в близлежащий

Памятник над могилами жертв чехословацкого мятежа на Советской (Соборной) площади. Рисунок из журнала «Работай и учись»

от Совета сквер, но преодолеть свинцового потока пулеметов никак не могли и откатывались назад.

Около 10 часов 29 мая боевой штаб в лице тт. Кураева, Минкина, Либерсона[24] и других вынужден был оставить задание Совета. Были поданы грузовики, взяты на них пулеметы, винтовки, патроны и гранаты. Товарищ Козлов Н.И.[25] с отрядом чекистов должен был этому грузу пробить путь по Никольской[26] улице на Поповку[27]. Совет в это время находился в кольце. Мне и коменданту Совета, т. Бомбелю, было предложено остаться в Совете до конца. Нам дали троих пулеметчиков. Наше задание было в том, чтобы усиленным огнем сдерживать натиск чехов, пока не отступит благополучно штаб. Однако, по мере сжатия вокруг Совета вражеского кольца, пулеметчики от нас разбежались. Тогда мы с т. Бомбелем вынуждены были некоторое время вдвоем из винтовок обстреливать сквер.

В последние минуты перед занятием Совета мы успели спуститься вниз к сторожам и переодеться там в рабочие костюмы. Взявшие Совет чехи объявили нас пленными, не поверив нам, что мы только прислуга этого здания. Нас посадили в одну из комнат Совета и приставили часовых...

Когда был взят чехословаками Совет, то из города немедленно же хлынула толпа грабить его продовольственные склады. Толпа отвлекла немного внимание часовых, мы с Бомбелем этим воспользовались и через окно совершили из-под ареста побег. Пробираясь садом, вышли на бывшую Дворянскую улицу[28]. Здесь я т. Бомбеля потерял из вида...

В заключение слова два о «радостях» пензенской буржуазии по случаю «победы» чехов над Советом. Дворянская улица ликовала в каком-то неописуемом телячьем восторге. Изо всех окон неслась бравурная музыка, к ногам проходящих «победителей» сыпались цветы и угощения... Буржуазия ликовала.

Подготовка текста и примечания А.В. Волкова
Фотографии из фондов Пензенского краеведческого музея и личного архива А.В. Волкова

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Статья была напечатана через 10 лет после описываемых событий в журнале «Работай и учись» (№ 21, от 25 мая 1928 г.).

[2] На линии Сызранки — район Сызрано-Вяземского вокзала.

[3] Вдоль Рождественской улицы — ныне улица М. Горького.

[4] На Казанской улице — ныне улица Урицкого.

[5] Татарский мост — ныне подвесной пешеходный мост, соединяющий ул. М. Горького с ул. Злобина.

[6] Земскую больницу — ныне Пензенская областная клиническая больница им. Н.Н. Бурденко.

[7] Шли к Совету — руководящий орган победившей власти. Пензенский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов размещался в то время в бывшем Губернаторском доме (ныне второй корпус Пензенской картинной галереи им. К.А. Савицкого, ул. Советская, 3).

[8] Уральский вокзал — Рязано-Уральский вокзал (ныне — вокзал Пенза III).

[9] В кабинете тт. Кураева и Минкина — руководители советской власти в Пензе. В.В. Кураев (1892 — 1938) — председатель Совета губернских комиссаров. А.Е. Минкин (1887 — 1955) — председатель президиума губернского Совета.

[10] С Поповой горы — ныне ул. Боевая гора.

[11] То у Казанского моста — мост, соединяющий ул. Урицкого и о. Пески.

[12] Соборная площадь — Соборная площадь в советский период стала называться Советской. В 2017 г. ей вновь вернули историческое название.

[13] Трехдюймовки — русское легкое полевое артиллерийское орудие калибра 76,2 мм.

[14] Взяв с собой заложников — в заложники чехи взяли Н.И. Козлова, председателя Пензенской губернской чрезвычайной комиссии (ГЧК), и Н.Г. Либерсона (1899 — 1918), секретаря Пензенского Совета народных комиссаров. Первый совершил побег из Сибири и в сентябре 1918 г. вернулся в Пензу. Наум Либерсон был расстрелян чехами по пути следования эшелонов в Самару. Одна из улиц Пензы носит сегодня его фамилию.

[15] По Садовой улице — ныне улица Лермонтова.

[16] На Советской площади — в 1918 году площадь называлась Соборной.

[17] Сызрано-Вяземский вокзал — ныне вокзал Пенза-I.

[18] Типографских меньшевиков — представители партии меньшевиков. Меньшевики — умеренное крыло Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП).

[19] Не доходя до Нардома — Народные дома в дореволюционной России — общедоступное культурно-просветительское учреждение. В Пензе Народный дом был построен в 1916 г. В советский период здесь размещался Пензенский областной драматический театр им. А.В. Луначарского.

[20] Ярмарочная площадь — занимала северную окраину Пензы, район ДК им. Дзержинского.

[21] Фабрика «Гознак» — Пензенская фабрика заготовления государственных знаков (Гознак). Была эвакуирована в Пензу из Петрограда в марте 1918 г. по указанию В.И. Ленина. Размещалась на территории галетной фабрики (ныне ПАО «ПЕНЗМАШ») и делала первые советские знаки и государственные кредитные билеты.

[22] В районе артказарм — артиллерийские казармы. Ныне — территория Пензенского артиллерийского инженерного института.

[23] На чердаке здания ГИКа — Губернский исполнительный комитет. Находился в здании губернского Совета.

[24] Боевой штаб в лице тт. Кураева, Минкина, Либерсона — см. прим № 3 и № 8.

[25] Товарищ Козлов Н.И. — Козлов Николай Илларионович, левый эсер, руководитель губернской чрезвычайной комиссии (ГЧК).

[26] По Никольской улице — ныне ул. Карла Маркса.

[27] На Поповку — ныне ул. Ключевского.

[28] Вышли на бывшую Дворянскую улицу — ныне ул. Красная.